

А. С. ЧЕРНЯЕВ

Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы

<Фрагменты>

Послесловие к 1984 году

Это — год становления Горбачева как государственного деятеля общесоюзного и международного масштаба. Еще при больном Андропове на этой необычной для советских верхов фигуре концентрировались надежды социально и физически уставшего, идейно обесмысленного общества, которому опротивели фарисейство, ложь и показуха, давно ставшие характерными приметами режима.

Разочарование, что не Горбачев, а Черненко был избран Генеральным секретарем после смерти Андропова, окончательно убедило в безнадежности и государственной безответственности высшего руководства страны, пораженного маразмом и старческим эгоизмом. Горбачев хорошо воспользовался этим, наращивая свою активность и демонстрируя интеллектуальное и политическое превосходство над «коллегами».

Объективная обстановка благоприятствовала его восхождению. Сгущались краски всеобщего застоя (этот термин употребляется в записях задолго до того, как он стал официально «партийным»). Экономика деградировала. Сельское хозяйство окончательно лишилось способности накормить страну: треть хлеба импортировалось, истощая золотой запас и поглощая большую часть нефтедолларов. Утаиваемый от населения колоссальный государственный долг — в условиях падения мировых цен на нефть — грозил вот-вот финансовым крахом.

Рычаги управления отказывали. Вопиющая картина бездарности, серости и лживости, перерождения бюрократившихся начальников демонстрировались каждый раз при отчетах министров и секретарей обкомов на заседаниях Секретариата ЦК КПСС и в Политбюро <...>.

Тем не менее вряд ли можно было найти в СССР человека, который в состоянии был бы предвидеть, что члены ЦК КПСС, а не-

которые потом и члены Политбюро, возглавят в бывших советских республиках самодержавные и даже профашистские режимы.

Цинизм, раболепие, погоня за должностями, званиями, орденами поразили большую часть т. наз. «творческой» интеллигенции и научную среду. Более того, в этом году отчетливо стали проступать — и в номенклатуре партийно-государственной, и в среде интеллигенции, да и в духовно обесточенной широкой массе «простого народа» — последствия того копившегося десятилетиями морально — политического разложения, которое потом, когда был снят тоталитарный колпак, позволило так легко загубить Перестройку, а разрушительной и воровской ельцинской «элите» — овладеть властью и собственностью нации.

Наряду с этим очевидны были также и признаки идеологической оппозиционности среди части интеллигенции, требования свободы мысли (под прикрытием возвращения к «ленинским нормам»). Ползучее, неоформленное, часто не осознанное диссидентство становилось все более влиятельным в художественной и научной литературе, в кино, в живописи. Оно проникало и в верхний эшелон интеллигентского партийного аппарата. Это находило отражение, в частности, в «творчестве» спичрайтеров. Генсек (и другие «вожди») публично и в беседах с иностранцами говорили такое, с чем никогда бы не согласились, если бы понимали суть красиво написанного для них. Произносимые ими тексты и «культурно» оформленные заявления расходились с их взглядами и догмами, противоречили самому их менталитету и всему тому, что они делали и как себя вели на своих постах. В результате еще более явной становилась лживость власти и ее интеллектуальная беспомощность.

Горбачев все это видел. Понимал, что страна потеряла ориентировку, что идейная и физическая болезнь общества достигли высокой степени. Однако в том, что он делал и говорил, по крайней мере в этот период, невозможно различить сомнений в основах системы, порочной в самой ее сталинистской природе. Он верил, что болезнь излечима и что лекарем может стать (как бывало не раз за 70 лет) и будет партия... очищенная от скверны, налепившейся на ней после Ленина. Он верил в чистоту и нравственную силу идей ленинизма, в притягательность и авторитет иконизированного образа Ленина. И, конечно, полагался на дисциплину, проще говоря, покорность кадров, привыкших делать то, что придумает и прикажет «Центральный Комитет»... в лице Генерального секретаря. Надеялся и на энтузиазм, который может вызвать новизна замыслов и «больших целей»...

<...>

11 марта 1985 г.

Печальная музыка в 7 утра вместо передачи «Опять двадцать пять» насторожила... И действительно, Шопен вновь, как уже не раз, стал первым информатором советских людей и заграницы о том, что в СССР предстоит «смена эпох». Черненко умер вчера вечером. Это все предвидели, насмешничали, хихикали, рассказывали анекдоты по поводу того, как наше руководство и пропаганда, демонстрируя полную энергии жизнедеятельность Генерального секретаря на экранах, на выборах и в многочисленных заявлениях, обращениях и интервью, делала нас «страной дураков».

Загладин¹, Александров², Лукьянов и Медведев были подняты с постели в полночь, вызваны в Кремль — и Горбачев поручил им к утру подготовить проект речи для «того, кто будет избран Генеральным секретарем». (Надо сказать, что создали они не очень яркое произведение. Но не в этом суть.)

Пономарев собрал замов в 9–45 и очень удивился, что все давно уже все знают.

В 14–00 объявили по радио.

В 17 часов состоялся Пленум. Встали, почтили, Горбачев сказал (без перебора) приличествующие слова. Но в атмосфере не было ни грамма огорчения и печали; мол, отмучился, бедолага, случайно попавший на неположенное место... и сделавший паузу в том разгоне, который придал было стране Андропов. Затаенная, если не радость, то «удовлетворение» царило в воздухе — кончилась, мол, неопределенность и пора России иметь настоящего лидера.

Горбачев объявил повестку дня: выборы Генерального секретаря и сообщил, что Политбюро поручило выступить с предложением по этому вопросу товарищу Громыко. Ни Тихонову, который весь съезжился и покраснел, когда это было объявлено, ни Романову, ни Гришину, которого, кстати, западная печать прочила в претенденты наряду с Горбачевым и Громыко.

Этот последний вышел на трибуну и без бумажки стал говорить в вольном стиле. Когда он назвал Горбачева — зал взорвался овацией, сравнимой с той, которая была при избрании Андропова (и ничего похожего на кислые аплодисменты, когда избирали Черненко). Оvation шла волнами и долго не успокаивалась.

Громыко говорил так, как не принято говорить на таких собраниях: он давал характеристику (раскованно и не шаблонно) качествам «товарища по Политбюро», которые были сочтены необходимыми и достаточными, чтобы единодушно («я подчеркиваю», повторил он) избрать именно его.

Хочу, говорил, передать вам, Центральному Комитету, атмосферу, в которой мы обсуждаем кандидатуру Михаила Сергеевича.

Никаких сомнений, полное единогласие. Почему? У него огромный опыт партийной работы — на обкомовском уровне и здесь, в центре. И он проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Каждый вопрос он раскладывает по полочкам, чтоб видеть все его составные части. Но не для того, чтобы они там лежали. Он умеет обобщать и делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать свое мнение, даже если это кому-то может быть и неприятно. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для проведения этой линии. Это и есть партийный подход — все оценки с точки зрения партии.

Он прям с людьми и, если ты настоящий коммунист, ты уходишь удовлетворенный от него, хотя, может быть, он и наговорил тебе чего-то не по душе. Он умеет находить и общий язык с разными людьми — во имя дела. Скажу, продолжал Громыко, о своей области. Михаил Сергеевич, как только появился в Политбюро, сразу обратил на себя внимание умением видеть суть вопроса в том, что, казалось, совсем не его сфера, он с ней был незнаком (т. е. международной политикой). И его оценки показали, что он не из тех, для которых существует только два цвета: белый и черный. Он показал, что умеет выбирать и промежуточные цвета ради достижения цели.

И еще одно. На Западе спят и видят отыскать в нашем руководстве трещины, столкнуть лбами членов руководства... Нашептывают, сплетничают, клеветают. Мы не дадим им удовольствия видеть что-либо подобное. Выбор Горбачева — свидетельство нерушимого единодушия в нашем руководстве. Для него святое дело — оборона и бдительность. В нынешней обстановке это — святая святых. И еще одно. Его эрудиция, почерпнутая из его образованности и из опыта работы, что тоже очень важно. Она очень пригодится ему на посту Генерального секретаря. Словом, мы имеем перед собой государственного человека, достойного занять этот пост в столь ответственный для страны момент. Потом были вновь оvationи.

Потом председательствовавший Романов дал слово Горбачеву. (Речь будет завтра в газетах).

Потом Горбачев закрыл Пленум, пригласил всех присутствующих, включая первых секретарей обкомов, бывших на Пленуме, но не входящих пока (!) в ЦК, отправиться в Колонный зал прогнуться с Черненко.

Загадкой для меня (думаю, и для многих) осталось — почему Громыко? Он вроде как исподволь намечал программу деятельности нового Генсека. Но это — пшик. Главное, что таким образом он был представлен партии, как *инициатор* выдвижения Горбачева.

Что этим хотели сказать? Или — что от этого хотел получить сам Громыко, сделав так, чтобы именно он, а не премьер-министр, не кто-либо из «партийных» (а государственных) членов ПБ выступили в этой роли? Укрепить свое нынешнее положение? Сохранить монополию на внешнюю политику, которую он заполучил при Черненко? Закинуть удочку насчет «повышения» — на должность премьера или председателя Президиума Верховного Совета? Или быть просто «старшим товарищем», патронировать молодого Генсека... Может быть, просто для ради тщеславия?

Возможно, сочетание этих побудительных мотивов. Но что-то должно быть и главным.

Впрочем, не думаю, что ему удастся сесть на шею Горбачеву. Не на того напал!

По многим «данным» народ доволен, что именно Горбачев. Еще до смерти Черненко люди в метро, троллейбусах, в столовых, не стеснялись громко выражать такое «пожелание». Народ устал от безвременья, от демонстрации официальной глупости, когда лидера превращают в почитаемую куклу, с помощью которой, однако, весьма влияют на ход событий.

Но... от Горбачева много ждут, как начали было ждать от Андропова. Хватит ли у него мужества оправдать ожидания? Возможности у него большие. Свежие кадры партийного аппарата и настоящая интеллигенция поддержит его. На носу съезд, который он может сделать поворотным в истории страны.

<...>

13 марта 1985 г.

Спустя полчаса после церемонии на Красной площади, когда я ехал домой обедать, со зданий на Лубянке, с Дома Союзов и т. д. уже снимали траурные флаги <...> В толпе членов и кандидатов в члены ЦК — когда они скопились за полчаса до выноса гроба у выхода из Колонного зала, атмосфера была как на толкучке: громко хохотали, обсуждали разные дела, через головы других обменивались всякими «посторонними» репликами, насмешливо приветствовали друг друга, обсуждали, не холодно ли будет: ведь еще полтора часа быть на улице. Словом, «всемирная скорбь» никак не коснулась состава Центрального Комитета.

Во время «пиковых моментов» похоронной церемонии только иностранцы снимали шапки. <...>

Словом, вступили в новую эру. Что-то будет? А ведь нужна «революция сверху». Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?

<...>

17 марта 1985 г.

Со всех сторон — все довольны и рады, что Горбачев. Вчера шофер, который вез меня, с восторгом рассказывал, как его ребята, шоферня, радуются, что у нас, наконец, настоящий лидер. Чтобы править нашей страной, говорит, нужно лошадиное здоровье, а этот (т. е. Черненко) — сразу было видно, что дохляк. Я бы на его месте отказался, сказал бы: «Ребята, увольте, не потяну!»

Только бы не поддался Горбачев мишуре «внешнеполитической активности». Традицию заложил Никита, Брежнев довел ее до карикатуры, а Черненко и его превзошел. Тем более, что все эти каждодневные заявления, интервью, обращения и ответы, ничего по существу не дают. И погоды в политике не делают. Пусть, вон, Громыко и, может быть, министр обороны Соколов выступают с заявлениями...

Есть тут опасность... Вроде бы на виду, вроде бы дело ради главного, для народа. А главное сейчас — думать, как реформировать страну и *куда* ее повести.

Кого же М. С. все-таки назначит вместо себя руководить Секретариатом? Гришина, Романова? Или сам будет вести до Пленума, а там сделает членами ПБ Долгих и Лигачева?

От этого многое будет зависеть. И даже не само дело, а впечатление от него самого — оправдает ли он всеобщие радостные надежды или соскользнет на проторенную дорожку и займется верчением налаженной бюрократической машины. Ну и вопрос о «соратниках», конечно. Ведь Гришин или Романов будут «представлять» его самого, через них будет восприниматься и его имидж, и «возможности» (уровень) нового руководства.

Вечер. За неделю история стерла Черненко со своих страниц. В прошлое воскресенье в этот час он был еще жив.

<...>

21 марта 1985 г.

В порядке объяснения, почему на Пленуме Горбачева представлял Громыко, рассказывают следующее. Когда умер Андропов и собралось ПБ, чтоб избрать следующего, председательствовал Устинов. Будто они с Громыко заранее условились двигать Горбачева, но только началось заседание, Тихонов попросил слова «в порядке ведения» и произнес: «Предлагаю Константина Устиновича Черненко!» Другие, чтоб не создавать ситуацию расхождений, согласились... Но на этот раз постарались Тихонова «обойти».

О Горбачеве говорят: запретил вывешивать свои портреты (взамен черненковских). Отказался приветствовать собрание «обществ дружбы» в Вене: послали от Совмина. В печати и на пле-

нумах обкомов говорится об «установках мартовского Пленума», а не «указаниях Генерального секретаря». Первое заседание Секретариата, после избрания Генсеком вел сам. Произнес речь — главным образом, против парадности, бюрократизма и совещаний: дело надо делать, тем более, что февраль дал нулевой рост и план года (пятилетки) опять завис.

<...>

Очень боюсь, что текучка международных дел затянет Горбачева и его облик в глазах народа, которому надоела показуха, и в глазах мировой общественности начнет размываться, надежды рухнут.

И особенно важно, памятуя о том, что произошло в первые месяцы Андропова, не затянуть с ключевыми кадровыми переменами... и конкретно показать, что он намерен решительно наводить порядок а la Андропов, которого народ запомнил прежде всего в этом качестве.

<...>

12 апреля 1985 г.

Почел стенограмму беседы Горбачева с конгрессменом О'Нилом и его делегацией. Блеск. Яркий, сильный, веселый и уверенный разговор, компетентность и убежденность и, как в старину говорили и до сих пор итальянцы говорят, диалектичный ум. И спокойное, веселое (по-нищевски) умение держать марку великого народа. Американцев он ошеломил. Они отбрехивались детским лепетом. <...>

23 апреля 1985 г.

Пленум ЦК. О подготовке к съезду. Горбачев раскованный, уверенный, сдержанный, иногда прорывающийся в репликах. Говорит с Пленумом, не утыкаясь в бумажку.

Оргвопросы. На этот раз никто даже приблизительно не догадывался что произойдет. Еще у Спасской башни столкнулись с Арбатовым³ и Бовиным⁴. Они, естественно, спросили, не знаю ли я. Я — не знаю, но сделал предположение, что Лигачев и Долгих станут членами ПБ. Арбатов добавил Чебрикова, но отвел Долгих: у него, мол, очень плохие отношения с Генеральным, что-то пробежало между ними еще при Черненке.

На заседании Горбачев вынул из кармана блокнотик и чохом предложил: в ПБ — Лигачев, Рыжков (!), Чебриков; в кандидаты — маршала Соколова, секретарем по сельскому хозяйству — министра сельского хозяйства РСФСР Никонова⁵!

После избрания попросил новых членов ПБ подняться в президиум, а Лигачева подозвал и посадил рядом с собой — на пред-

седательское место, он, Лигачев, и вел весь Пленум. Ясно всем, что и Секретариат будет вести он. А эти полтора месяца после смерти Черненко, Горбачев не пустил Романова вести Секретариат (почему Романов мог претендовать на это? Потому что он единственный в Секретариате, кроме М. С., одновременно из секретарей ЦК член ПБ), вел его сам!

Теперь у него в ПБ абсолютное превосходство весьма верных друзей «против» (если осмелятся) возможных оппонентов: Тихонов, Кунаев, Щербицкий, Романов, Гришин.

Доклад Горбачева был энергичен во внутренней части с теми же, впрочем, основными идеями, что и на мартовском Пленуме. И — плоский, обыденный, дежурный — во внешней части. То ли он не хочет сейчас отвлекаться на эту «материю», то ли (что хуже) — опять передоверил все Громыке. Арбатов, который сидел рядом, ворчал: мол, ничего не принял из того, «что я ему (по его просьбе) представил».

<...>

Первые выступления, Щербицкий и особенно Гришин продемонстрировали полную беспомощность приспособиться к новому стилю. Это были образцы общих фраз, пустословия, которые сам Гришин все осудил. <...>

Впрочем, славословий не было в адрес Генсека. Хотя опять же все вставали при появлении Политбюро в президиуме и хлопали... Даже и после перерыва. Однако, Горбачев быстро «пресекал», решительно садясь на место.

Хитрый, умный, талантливый Шеварднадзе все-таки изловчился: сказал, что давно не было такой реакции во всем мире на события в СССР, как на избрание Горбачева. Процитировал «Вашингтон пост» с похвалами в адрес «нового советского лидера» и с добавлением: «а нам-то, мол, капитализму что от этого, только хуже!» Да, добавил от себя Шеварднадзе: бояться там «соединения социализма с сильным руководством». И, извиняясь, тут же оговорился: знаю, мол, что Михаил Сергеевич не любит, когда о нем говорят, но ведь это же не я, а американцы говорят! Хохот в зале.

Из десятка выступлений только три-четыре были более или менее в горбачевском стиле.

Не думаю, что у Горбачева уже сложилась более или менее ясная концепция — как он будет выводить страну на уровень мировых стандартов. Прощупываются лишь отдельные признаки методологии, в частности, порядок, договорная дисциплина, довольно чувствительная децентрализация управления и планирования (которая будет ограничиваться лишь стратегией). Сейчас он производит расчистки и расстановку, склонен и к настоящей чистке

партии (к которой открыто призвал Шеварднадзе). Он расшатывает сложившиеся при Брежневе догмы, условности, путы парадности, бюрократической инертности, чванства, хапанья не по заслугам. Словом, ломает нормы монархической реставрации, которые принесли столько вреда экономике и морали при Брежневе и начали было возрождаться при Черненко.

(Кстати, на протяжении пяти часов Пленума имя Черненко ни разу не было произнесено, будто и не было его никогда!)

<...>

1 июля 1985 г.

Был на Пленуме, который продолжался полчаса. Горбачев, не выходя на трибуну, в своей свободной манере начал говорить: завтра сессия Верховного Совета, нам надо обсудить ее вопросы, в том числе организационные. Первый — о председателе президиума Верховного Совета. Вы знаете, что с 1977 года этот пост совмещался с постом Генерального секретаря ЦК. Тогда это может было оправдано. Теперь времена другие, другие задачи и другая ответственность у разных органов. Генеральный секретарь должен сосредоточиться на роли и деятельности партии.

И без всякого перехода предложил в качестве кандидата на пост председателя Верховного Совета Громыко. Охарактеризовал его очень сдержанно, не отплатил за громыкинскую речь на мартовском Пленуме, еще раз показав, что «личностный» аспект для него не имеет значения. Сказал только, что Андрей Андреевич давно в партии, всегда последовательно проводил ее линию, привержен принципу коллективного руководства... И все! Ни об его уме, ни об его знаниях и способностях. Перешел к задачам Верховного Совета и вообще Советов, сказал о необходимости поднять роль постоянных комиссий ВС, наделив тут же их правом не только обсуждать работу министерств, но и оценивать работу министров, даже выносить суждение об их соответствии должности.

Сказал о прокуратуре, «работа которой оставляет желать лучшего», о том, что она обязана охранять законность *для всех* и пресечь практику, когда министерства и ведомства не только комментируют законы, применительно к своим нуждам, но даже корректируют их.

Назвал кандидатуры на посты председателей комиссий и зампредов самого председателя, кстати, ни словом не обмолвившись о его (Громыко) роли во внешней политике. На это все обратили внимание.

Затем — о министре иностранных дел. Мы, говорит Горбачев, обстоятельно обсудили этот вопрос на ПБ и предлагаем на этот пост товарища Шеварднадзе.

Даже для нас, аппаратчиков, это был гром среди ясного неба.
<...>

Пленум, естественно, перевел Шеварднадзе из кандидатов в члены ПБ.

Я считаю все это очень показательным, это означает конец громыкинской монополии и власти МИДовского аппарата над внешней политикой.

Кроме того, Романова вывели из ПБ и сняли с поста секретаря ЦК «согласно его заявлению, в связи с ухудшившимся здоровьем». Объяснений Горбачев никаких не дал, и неизвестно, был ли какой-либо повод или просто решили избавиться от бездари и сволочи.

Зайкова, ленинградского секретаря обкома, избрали секретарем ЦК. Будет заниматься вместо Романова оборонной промышленностью. Назначили секретарем ЦК Ельцина, недавнего секретаря Свердловского обкома, оставив за ним пост в аппарате ЦК — зав. отделом строительства и капиталовложений.

<...>

12 ноября 1985 г.

Видел записку Горбачева о том, как он собирается вести дело с Рейганом в Женеве. Политбюро, естественно, одобрило.

— Не отступать от провозглашенных в Париже позиций плюс дополнения, которые были сделаны для третьего раунда в Женеве.

— Не заводится по региональным проблемам, но и не поступаться нашим правом «быть солидарными» с «борцами за независимость», не признавать «жизненных интересов» США где угодно.

— Согласиться на то, что это встреча лишь начало большого и регулярного диалога и вообще — «надо уметь жить вместе», мы разные, но надо научиться уважать эту разность.

— Словом, не гневить Рейгана, чтоб не усиливать угрозу, не подыгрывать ястребам.

<...>

16 ноября 1985 г.

На службе текучка и поток информации, главным образом, по встрече в Женеве. Вроде наклеивается совместное коммюнике, довольно миролюбивое. Скорее всего возникнет «дух Женевы», который, конечно, не снимет материальной подготовки к войне, но ослабит конфронтацию, т. е. усилит волю к отказу от войны как средству политики. Мирное сосуществование по-горбачевски это, в отличие от того, что было у нас до того (что бы мы ни говорили и ни писали, и как бы ни клялись, что мы против войны и политики

силы) — это «живи и жить давай другим», всерьез, по-настоящему, без дураков, без попыток надуть, обойти и иметь-таки превосходство.

<...>

24 ноября 1985 г.

Дух Женевы, знак Женевы. Интервью Горбачева — источник нового понимания политического мира и нас самих. Сумеет ли этим воспользоваться?

Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма.

Горбачев возродил надежды, появившиеся после XX съезда.

На совещании замов Б. Н. [Пономарев] рассказал о встрече Горбачева в аэропорту. Тот подробно делился, как было дело в Женеве. Он видел сначала пустые, непонимающие глаза президента, который бубнил по бумажке банальности. И только к концу второй встречи удалось наладить человеческий разговор. А в конце концов, Рейган раскололся-таки и даже согласился подписать Совместное заявление. Рассказал Горбачев и о том, как Риган (помощник президента)⁶ приходил к нашим и передавал восторги действиями Горбачева, и просил «держаться так и дальше, давить на президента, уламывать, растапливать его... к его же пользе».

<...>

Итак, 1985 год — взгляд спустя 17 лет.

Он теперь признан почти всеми как рубеж в истории страны и мира.

<...> Сам Горбачев, как потом не раз признавался, не представлял себе, что, приоткрыв всего лишь створку, он спровоцирует такой напор, который снесет всю, казалось, вечную и несокрушимую советскую плотину.

В 1985 году не были еще произнесены магические слова «перестройка» и «гласность». Во всяком случае, они не стали еще символом начатых преобразований. Не было предпринято и каких — то кардинальных реформ, сильно задевавших общество. Если не считать постановления о борьбе с алкоголизмом, которое в очередной раз (в истории) продемонстрировало, как благое намерение, став государственной политикой, приносит порой зла больше, чем другой преступный замысел. Обоснованная и даже вынужденная мера, включенная в контекст большой политики, оказалась роковой ошибкой.

Но в этом году было осуществлено нечто чрезвычайно важное — изменен **стиль политики**.

Когда на новый стиль Генсека обращали внимание члены ЦК, коллеги, печать, за границей, Горбачев сердился: он считал, что «стиль» — это нечто поверхностное, не достойное его замыслов, боялся, что с такой оценкой он будет выглядеть честолубцем, оригинальничаящим, чтобы не походить на тех, кого он сменил. И ошибся.

В жестко забюрократизированном обществе, закосневшем в правилах и догмах, где к чинопочитанию и законам иерархии привыкли как к непреложным нормам поведения, где страх за сказанное лишнее слово впитался в кровь, где поговорка «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак» фактически определяла взаимоотношения людей на работе и в жизни... и тому подобные вещи, унижавшие достоинство человека, оскорблявшие его здравый смысл, — в таком обществе демонстративный отказ от всего этого, идущий с самого верха, ошеломил людей.

Горбачев выходил на улицу и заводил дискуссию (!) с первопопавшейся толпой, чего не бывало с начала 20-х годов.

Он говорил не по бумажке, своими словами, а не казенным языком, отработанным в номенклатурных аппаратах.

Он запретил вывешивать и носить на демонстрациях свои портреты.

Резко, с презрением пресекал, казалось, привычное словословие.

Новый Генсек отбросил «величественные» манеры «вождя» неприступного небожителя, вообще ликвидировал это пагубное наследие царистского инстинкта, укорененного в веках. Предстал перед народом человеком вроде «как все», но... подлинным лидером, которого хотели, по которому давно соскучились.

Горбачев прекратил политические репрессии (хотя и не сразу покончил с последствиями прошлых репрессий). Он убрал страх из общественно-политической атмосферы.

Он добился того, чтобы на Политбюро, в ЦК, на Пленумах, на совещаниях проблемы действительно обсуждались, а не «одобрялись» послушно — не важно, согласен или не согласен...

Он требовал от каждого, поощрял говорить то, что думаешь, даже «резать правду матку». И одергивал тех, кто по привычке или из подхалимажа одергивал осмелившихся это делать. Он разрешил публично критиковать начальство... и — все более высоких рангов.

Горбачев представил стране и миру свою жену как подругу по жизни (с явным вызовом позорному положению жен вождей

как бытовой принадлежности, которую непозволительно выводить на публику).

Все это был **стиль**, хотя и делалось это ненароком, не ради стиля, по внутреннему побуждению натуры и «ради высвобождения мозгов», как он говорил. И все это — 1985 год.

<...>

С самого начала Горбачев вознамерился включить в процесс преобразований «человеческий фактор». То есть разбудить в людях энергию, инициативу, энтузиазм. С точки зрения появившейся позже политологии, это означало — дать обществу естественное течение, инспирировать его 79 «самодвижение». Но общество давно отучено было жить не по указке и вне окаменевших форм его организации. Заблуждение Горбачева понятно — оно от природной демократичности натуры. Тогда всем нам трудно, да и едва ли возможно было понять (тем более — согласиться!), что «естественное» развитие общества не может служить «совершенствованию» и «улучшению» строя («развитой социализм»), который всем надоел и при котором так плохо жилось.

Заметен был и акцент нового Генсека на повышение (и обновление) роли партии. Он — по инерции от самой сути советского строя — рассчитывал сделать КПСС авангардом и мотором реформ... Подобно тому, как в свое время Хрущев, правда, по другим мотивам, противопоставил «государственнику» Маленкову партию, которая при Сталине была в пренебрежении и под колпаком НКВД — КГБ. Прозрение к Горбачеву пришло с большим (и роковым!) опозданием.

1985 год был годом выявления (и осознания) реального положения в стране и в мире. В распоряжении руководства страны оказались данные (и о них все меньше стеснялись говорить), свидетельствовавшие по сути о самом настоящем кризисе во всех жизненных областях. Стартовая платформа для глубоких реформ предстала весьма шаткой, а местами полуразрушенной.

<...>

18 января 1986 г.

Заявление Горбачева. Он, видимо, действительно *во чтобы то ни стало* решил покончить с гонкой вооружений. Идет на тот самый «риск», в котором он смело увидел отсутствие риска, потому что никто на нас нападать не будет, даже если мы совсем разоружимся, а страну, чтобы ее возродить и поставить на твердый путь, нужно освободить от бремени вооружений, истощающего не только экономику.

Боже мой! Как нам повезло, что среди ПБ нашелся такой человек, какую поистине «государеву» мудрость проявил, — Андропов, который обнаружил Горбачева и вытащил из провинции! Причем именно его: ведь в СССР, кажется, 95 краев и областей. И потом навазал его Брежневу!

Если бы не нашел Андропов Горбачева, с кем бы мы остались: на место Черненко претендовали Гришин, Романов и Громыко. Можно себе представить, какая судьба ждала бы Россию, если бы любой из них, да еще после Черненко, встал во главе. Страшно подумать!

Но мы получили редкостного лидера: умница, образованный, «живой», честный, с идеями, с фантазией. И смелый. Мифы и табу (в том числе идеологические предрассудки) — для него тьфу. Он через любой переступит.

<...>

1 февраля 1986 г.

Вчера часов в пять позвонил Горбачев и предложил стать его помощником. Я сказал: это, конечно, большая честь, но вы уверены, что я гожусь для такого дела?

— Я, ответил он, уверен, — оставив, таким образом, мне решать, уверен ли я сам.

— Я не считаю это повышением, это для меня умножение ответственности и долга. И, конечно, интересно непосредственно участвовать в новом деле, которое вы начали.

— Ну ты ведь не один будешь... Наверно, ты заметил, что Яковлев сейчас со мной рядом...

— Заметил. Я давно его знаю... Понимаю, что не один. Однако, организатор из меня плохой.

— Ничего, разберемся. Ты мне давно понравился... с нашей первой совместной поездки в Бельгию. Помнишь? (Еще бы! Это было в 1972 году, кто бы мог подумать, чем обернется для меня эта поездка!) Мне нравится твоя партийность (?), твоя эрудиция, твое спокойствие в ответственные моменты (что он имел в виду?) Ну, так как?

<...>

7 июня 1986 г.

Не пишу не только потому, что нет сил после 14–16 часового рабочего дня. Не пишу еще и потому, что очень трудно все это осмысливать и излагать. В моем положении можно писать только о нем — осмелившемся вновь поднять Россию на дыбы (вознамерившемся пока) — Россию послесталинскую и послебрежневскую.

Пришел мини-Ленин..., каким его изобразил Маяковский. Вроде бы простой, обыкновенный человек, со всеми присущими умному, нормальному, здравомыслящему и практичному человеку чертами — и одновременно все эти черты подняты на несколько порядков по сравнению с обычным рядовым «товарищем».

А если считать сверху, от Ленина, то он обладает всеми присущими и Ленину качествами, но все они пониженного уровня. И увязка этих качеств, «комплексность» у него тоже ленинская.

Словом, надо писать о нем каждый день. Ведь я почти каждый день вижу и слышу его. Он откровенен невероятно, иногда шокирует своей «доверительностью»: ее пугаешься — почему он вдруг обременяет тебя ответственностью знания самого сокровенного в нем.

Писать о нем — это мой моральный долг... Это даже важнее, наверно, чем добросовестно исполнять при нем свои служебные обязанности: он обойдется и без меня. А вот если я о нем не напишу, это будет величайшая потеря для истории... даже, если он не справится с тем грандиозным делом, на которое он замахнулся.

Но надо сразу записывать, когда он говорит один на один, когда он ведет политические беседы, когда он раскованно что-то обсуждает в узком кругу и, конечно, когда он ведет Политбюро: это огромное богатство ума, характера, осведомленности, знаний, точности в умении схватить суть, решительное неприятие даже подобия демагогии и попыток прикрыть что бы то ни было идеологией, в особенности бездарность и неумение работать.

За день он пропускает через себя колоссальное количество информации. Я не могу понять, как он успевает. И эта информация идет в дело, в переработанном виде она вырывается умозаключением, анализом, выводами, решениями, несогласиями или поддержкой кого-то...

<...>

7 декабря 1986 г.

Хочется писать и боязно. Потому что — сколько бы ни пытался писать, времени все равно не хватит, чтоб хотя бы схематично отразить, что происходит каждый день рядом с М. С. Он на глазах вырастает в великую фигуру нашей истории.

Я его вижу почти нараспашку со всеми обыденными нюансами его натуры, поведения, уровня образованности — но это никак не снижает в моих «интеллигентских» (снобистских) глазах величия этого человека.

<...>

Итог 1986 года. В этом году (в начале февраля) автор этих записок (проекта) стал помощником Горбачева по международным

вопросам. Его наблюдения за поведением, манерами и действиями Горбачева приобрели характер живого, повседневного личного и делового контакта.

Обращает на себя внимание феноменальная откровенность Горбачева — и в оценках ситуации, и в обозначении намерений. Он высказывает смелые, шокирующие окружающих мысли, многие из которых так и не были реализованы. Беспощаден в критике того, что имеем, что и как делается.

Поощряет «раскручивание» гласности, но все еще рассматривает ее как орудие партии в осуществлении преобразований, а не как «свободу слова», действующую по собственной логике.

Решительно пресекает пономаревскую (коминтерновскую по сути) практику отношений с зарубежными компартиями и комдвижением в целом. Но еще уверен, что освобожденные от опеки КПСС, полностью независимые, они могут обрести новое дыхание и в качестве таковых имеют перспективу.

Иначе говоря, он не порывает с представлением об СССР как «идеологической державе», но уже очень далеко зашел в налаживании принципиально новых отношений с Западом и формирует внешнюю политику, абсолютно исключая идеологический компонент, то есть конфронтацию и несовместимость. Термин «новое мышление» еще не употребляется. Но на деле оно уже «работает».

Все больше обеспокоен кадровым обеспечением преобразований. Однако никаких сомнений в том, что КПСС может и должна стать их авангардной и двигательной силой, у него пока не возникает. При всей своей неприязни к идолопоклонству и догматизму, Горбачев продолжал свято верить, что апелляция к Ленину, к «ленинским подходам» может служить не только моральным, но и практически действенным рычагом реализации его замыслов.

В этом году действовала еще в полном согласии когорта, можно сказать, «отцов-основателей» перестройки (Лигачев, Рыжков, Воротников...) при лидирующей роли связки Горбачев-Яковлев.

<...>

Если попытаться дать формулу реформаторской эволюции Горбачева в 1986 г., она может быть такой: необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах.

<...>

5 июля 1987 г.

<...> Кто бы не сидел против М. С. (за исключением, пожалуй, представителя Каддафи⁷ — они верят ему, и такое ощущение, что они не говорят с другими «великими» лидерами, например, с Рейганом, Миттераном⁸, Дэн Сяопином⁹, даже с Тэтчер так искренне...

Они верят, что он хочет делать именно то, что говорит им, а также и публично. Другое дело — что не может всего сделать, даже большей части того, что говорит.

В беседе с ним невозможно лукавить, играть. Он открыт и обезоруживает любого «классового» противника, потому что всем своим поведением приглашает его быть прежде всего нормальным человеком.

<...>

В августе-сентябре я был с Горбачевым в Крыму, еще не на злополучной даче в Форосе («Заре»), а на унаследованной от Брежнева в Нижней Ореанде.

Горбачев был занят в основном работой над книгой, которую первоначально предполагал назвать «Слово о перестройке». Но потом придумал другой заголовок: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира»). Под этим названием она вышла в Америке и затем в десятках стран миллионными тиражами.

Горбачев работал над текстом «со страстью», передиктовывал по два-три раза. Предвидел, что эта книга создаст новый образ его самого и меняющейся страны, поможет завоевать доверие на Западе, которое должно было стать по его замыслу новым и важнейшим фактором преобразования международных отношений. Мы проводили с ним на террасе (он — под солнцем, я в тени) по многу часов в день, обсуждая «движение» текста и главные проблемы. Приходилось отвлекаться на текущие дела: информация из Москвы шла непрерывно. Иногда он размышлял вслух о том, о сем. <...>

1987 год — пик перестройки. Если прибегнуть к кантовскому понятию «феноменальный мир» или шопенгауrowsкому — «мир как представление», то можно признать, что в этом смысле она шла на подъем. Гласность мощно заявила о себе уже как «свобода слова», все больше отрывалась от понимания ее как идеологического инструмента КПСС. Она создавала совершенно новую атмосферу в обществе, все больше откликаясь на столько лет подавлявшуюся потребность его в правде и честности на линии «власть — народ».

Но под спудом, в «вещах самих по себе» (если опять по Канту¹⁰ шли процессы, плохо осознаваемые «перестроечным разумом» и все меньше поддающиеся его воздействию.

Горбачев, отодвигая по сути (не по форме) марксистско — ленинские догмы, демонстрировал выдающиеся аналитические и познавательные способности, все открывшее указывал на то, куда нас завел «реальный социализм». В этом «томе» приведены его глубокие, блестящие по ораторскому мастерству и совершенно искренние выступления. Правда, он еще был полон оптимизма

в отношении начатых реформ и всячески стремился внедрить его в «сознание партии и масс». Однако впервые в этом году стали проклевываться у него сомнения в успехе. Их он доверял лишь самым близким в своем окружении. Не было уверенности, туда ли «влечет нас неведомая сила».

Посвященный кадровой политике знаменитый январский Пленум ЦК, на котором впервые после Ленина было сказано о виновности самой партии и ее ЦК за произошедшее в стране, за ее кризисное состояние не дал нужных перестройке результатов. А Горбачев связывал с ним очень большие надежды. Партия и впредь не обнаружила ни желания, ни способности выполнять роль авангарда преобразований. (Много позже Горбачев признал, что она, по самой своей природе, не годилась для этого). Он придумал выход: через Всесоюзную партийную конференцию лишить КПСС властных государственных функций и возродить полномочия Советов, ликвидированное Сталиным в 20-х годах. (Оно все-таки существовало после Революции, хотя и контролируемых партией рамках).

По той же причине — отсутствие «субъекта» преобразований, преданных перестройке и умелых кадров — не удалась впоследствии и попытка искоренить последствия насильственной сталинской коллективизации, вернуть деревне роль кормилицы страны.

1987 год дал очевидные доказательства сопротивления перестройке. Это было пока еще «сопротивление материала», а не политико-идеологическая оппозиция: 119 признаки разочарования в народе («мы ничего не получали, перестройка видна только в Центре» и т. п.), а значит, и нарастание апатии, главное же — пассивность, бездарность, сталинистская зачумленность, непрофессионализм и нежелание работать по-новому тех, кто должен был, по замыслу Горбачева, проявить себя как «прорабы перестройки» на деле.

Когорта ее «отцов-основателей» постепенно рассыпается. Они более-менее еще сходились в описании «текущего момента», но в готовности говорить правду народу, в оценке существующего строя, который они хотели «улучшать», а также по конкретным мерам «что делать», все заметнее расходились. Их дискуссии все чаще обнаруживали принципиальные разногласия. В составе высшего руководства рядом с Горбачевым по-настоящему остаются лишь Яковлев, Шеварднадзе и Рыжков (позже к ним прибавился Медведев).

Горбачев пытается «упорядочить» хаотически начавшийся пересмотр советской истории. Воспользовался для этого 70-летием Октябрьской революции. Но «взвешенная критика» отдельных

моментов прошлого в его юбилейном докладе и, в особенности» реабилитация Бухарина обернулись мощным импульсом стремительного нарастания этого процесса, в котором очень скоро возник и вопрос — был ли у нас вообще социализм и нужен ли он нам (даже и «с человеческим лицом»)?

В то же время 1987 год отмечен прорывом во внешний мир. Международная известность и слава Горбачева стремительно нарастает. На Западе начинают постепенно убеждаться, что «феномен Горбачева» в СССР — это не обманный маневр Кремля, что перестройка — это всерьез. Возникает новый, мощный фактор международной политики — *доверие*, который потом и позволит покончить с холодной войной. Заключение первого Договора о сокращении ядерных вооружений закрепляет тенденцию к прекращению конфронтации.

В этом контексте естествен и окончательный отказ от коминтерновского наследия в коммунистическом движении.

Огромную роль в формировании нового имиджа Горбачева и Советского Союза сыграла его книга «Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира», ставшая мировым бестселлером.

С 87-го года начинается расхождение векторов внешней и внутренней политики Горбачева — не в смысле утраты ими взаимозависимости (тут как раз — наоборот), а в смысле достижения поставленных целей. Образовался и стал нарастать разрыв авторитета Горбачева вовне и внутри.

Наконец, 1987 год войдет в историю тем, что в небе перестройки появился опасный, своевременно «не опознанный объект» — Ельцин.

Шумная, крутая, пронизанная демагогией деятельность его в Москве не убедила Политбюро в том, что он уже созрел для перевода из кандидатов в члены этого ареопага. Обиженный Ельцин выступает с критикой проекта доклада Горбачева к 70-летию Октября, бесцеремонно ставит под сомнение все сделанное за три года перестройки. (Кстати, никто не вспоминает сталинистский оттенок в той его критике).

Горбачеву не понравился этот нигилизм. Он вообще считал вредным такой критиканский подход, особенно, «в начале пути». Да и не привыкли еще к посягательствам на непрерываемость Генерального секретаря. К тому же всем было ясно, что Ельциным начинают крутить люди из окружения: сам он не способен столь четко сформулировать свои возражения. Видно было также, что действует Ельцин не по убеждению, а с прицелом взлететь вверх, если перестройке удастся разломать традиционные формы и функционирование власти.

И Михаил Сергеевич позволил себе поступиться провозглашенным им самим принципом «плюрализма мнений». Преподал Ельцину (пока еще деликатный) урок, который был «усвоен» совсем не так, как предполагалось. Спустя две недели, на Пленуме ЦК, посвященном обсуждению проекта доклада Горбачева к 70-й годовщине Октября, Ельцин в открытую решил шантажировать руководство, подвергнув резкой критике Секретариат ЦК и пригрозив отставкой. Результат известен. Ельцин был сброшен на обочину политики, но не «прихлопнут», и этим вскоре воспользовалась уже вполне реальная оппозиция к Горбачеву.

В казусе с Ельциным, который обернулся потом столь злополучными для страны последствиями, много случайного. Но что-то существенное в нем закономерно. Столкнулись две тенденции: одна — инерционная от прошлого, другая — обязанная перестройке. Одна — «святое» для ленинской партии — неприкасаемость монолитного ее единства и абсолютный авторитет ее высшего руководства. Другая — потребность в реальной демократизации партийной жизни и «правил игры» в ней.

Формально первая победила. «Еретик» уже не мог быть сожжен до пепла, как это неминуемо произошло бы при тоталитарном строе. Демократические ветры уже дули. Но демократия, которая потом выросла из оставленного корешка, оказалась такой, что большинство населения до сих пор с тоской вспоминает о тоталитарных временах.

Как бы там ни было, говоря о месте 1987 года в истории страны, придется констатировать: год 70-летия Революции не накопил того потенциала развития перестройки, на какой рассчитывали, готовясь к юбилею.

<...>

17 декабря 1988 г.

<...>

Расскажу пока, что было в ООН.

Нью-Йорк. Прилетели 6-го. Встреча в аэропорту более чем скромная, триумфа не обещала. <...>

А утром я ему показал краткую и невнятную телеграмму о землетрясении в Армении. Ни он, ни я в первый момент не оценили его масштаба. Потом ООН... по коридорам толпы чиновников встречали его овациями. Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все-таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях...¹¹ Сразу оттуда на Губернаторский остров на р. Гудзон в Манхэттене. На нью-йоркских улицах еще не густо народу... В машине он говорил

по телефону с Рыжковым и узнал, что землетрясение в Армении — ужасно¹².

<...>

Послесловие к 1988 г. Итог и значение

Он стал переломным, причем не в лучшую сторону. Объявленные намерения Горбачева и его действия не смогли придать перестройке устойчивость.

В этом году (разумеется, в продолжение намеченного ранее) Горбачев, поначалу при опоре на Политбюро, сформулировал, можно сказать, стратегию перемен и принял более или менее решительные меры, чтобы сделать их необратимыми. Его неприимчивость к попыткам и требованиям коллег обуздать гласность, поставить заслон возникновению независимых от КПСС групп и организаций способствовала превращению гласности в реальную свободу слова.

Горбачев окончательно и твердо отмежевался от ностальгии по сталинизму и бесповоротно осудил его, воспользовавшись «делом Нины Андреевой»¹³. Наиболее доказательное отражение эта позиция нашла во время его встреч весной с тремя группами первых секретарей обкомов КПСС — «генералитетом» партии. Подготовив на свой манер XIX общесоюзную партконференцию, он положил начало реальному отделению партии от государственной власти. Провел в этом контексте крупную реорганизацию центрального партийного аппарата и вывел из Политбюро и Секретариата ЦК унаследованные от брежневских времен фигуры. Ответом было формирование «партийной» оппозиции перестройке по-горбачевски, его личному авторитету, его власти.

Крупных мер по нейтрализации и пресечению этой оппозиции Горбачев не принял — по моральным соображениям и потому, что это противоречило самим принципам его реформаторских замыслов, его установкам на демократизацию строя. Но тем самым был дан простор для разрушительной деятельности — как со стороны ее противников, так и со стороны ее ультрарадикальных сторонников. В результате заменить партийно-государственную власть гражданской властью Советов не удалось.

<...>

Но 1988 г. — это и рубеж отхода самого Горбачева от марксистско-ленинских подходов к оценке внутренней и, особенно, международной ситуации. Ярчайшим, можно сказать, историческим событием в этом смысле явилось его выступление на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Политика «нового мышления»

была на деле подтверждена уходом (хотя и запоздалым) из Афганистана¹⁴. Решение о выводе войск — само по себе — событие значительное. Но не менее знаменательной была длительная и совершенно необычная для советского руководства дискуссия вокруг «афганского вопроса». Она означала, что отныне навсегда и повсюду, в принципе изымается экспансионистский элемент из международной деятельности СССР.

1988 год дал очевидные результаты усилий Горбачева по коренному изменению международной ситуации, холодная война практически сходилa на нет. В этом томе приведен ряд ярких свидетельств того, насколько глубоко, фундаментально переменились все мировосприятие Горбачева, его взгляды на сам смысл и предназначение мировой политики, на ее методы, насколько радикально и окончательно он порвал со всей советской идеологией и практикой прежней политики.

Из записей, включенных в том, видно, что автор их продолжает восхищаться историческим подвигом Горбачева, хотя и все меньше верит в успех его замысла. В отношении помощника к своему герою все заметнее различие в оценке Горбачева как великого государственного деятеля и как личности, способной противостоять соблазнам власти в повседневной жизни, в отношениях с людьми.

Если правомерно говорить о трагичности судьбы Горбачева (в большом, шекспировском смысле), то именно в 88-м году не только его помощник, но и сам Горбачев впервые это почувствовал.

Для многих знаком Свыше этой судьбы явилось страшное армянское землетрясение, будто завершившее год.

<...>

29 октября 1989 г. 25–27 октября в Финляндии. Ошеломляет успех Горбачева. Он объединяет все темпераменты. Разгадка — не только в его личном обаянии и умении почти безошибочно найти оптимальный вариант, как с кем общаться, что говорить. Покоряет его откровенность о нас самих, в том числе его разидеологизированность, хотя это перестает уже работать: все и так всё у нас видят. Второе впечатление — мы отстали безнадежно. Правда, некоторые на Западе предсказывают советское экономическое чудо, если мы пойдем, наконец, «их путем». Но и в этом случае нам нужно не менее 10 лет. М. С. упустил время, все осторожничал, все боялся за социалистические ценности, хотя и понимал, что ценности эти — уравниловка, социальный эгоизм, иждивение на шее государства. А теперь эти соцценности оборачиваются против него, потому что возникает рабочее движение со своим естественным, тредьюнионистским законом: «дай мне, а на остальное наплевать».

<...>

1989 год. Итог

<...> В этом году советское государство как таковое начало рушиться. Центр власти — Политбюро — утратило авторитет и возможность добиваться выполнения своих решений. Оно стало местом дискуссий о неумолимо ухудшавшемся положении в стране. Фактически раскололось на горбачевцев и лигачевцев. Но и в каждом из этих направлений тоже не было согласия. Все более опасным для перестройки становилось упорное нежелание расколоть партию, сбросить бремя ее реакционной части. Партия на местах стремительно теряла властные функции. Советы оказались неспособными их взять на себя. Остается удивляться, как государство смогло просуществовать еще два года... В основном, видимо, за счет наработанной десятилетиями инерции горизонтальных экономических и административных взаимосвязей на значительной части страны. Советская власть вместе с КПСС теряла легитимность. Общественная жизнь вышла из-под контроля Центра. Шквальная критика (фактически разоблачение, дискредитация) советской системы и всей советской истории не встретила серьезного идеологического и политического сопротивления. Попытки Горбачева остановить этот разрушительный процесс уговорами и увещеванием интеллигенции не нашли понимания. А требования своих коллег по Политбюро — «власть употребить» он отверг: это поставило бы под вопрос всю его политику и «философию» перестройки, означало бы конец гласности и курса на демократизацию. В результате обвала идеологии «вынут» был один из двух главных стержней, на которых держалась стабильность советского общества. Другой — страх, репрессии — был отменен Горбачевым еще раньше. Возникло огромное количество всяких политических клубов, блоков, союзов, обществ, ассоциаций, «трибун», «Народных фронтов», «платформ», «движений» и т. д. Они не составляли единой оппозиции, но в целом представляли собой широкую антигорбачевскую и антикоммунистическую оппозицию, ориентированную на взятие власти. Оппозиция бурно росла вместе с резким ухудшением экономической ситуации («пустые полки магазинов»). Лидером ее выступала Межрегиональная группа народных депутатов¹⁵ (Ю. Афанасьев, Борис Ельцин, Гавриил Попов, Анатолий Собчак и др.) с программой, получившей наименование «Пять Д»: демонополизация, децентрализация, департизация, деидеологизация, демократизация. Внутри самой партии возникло оппозиционное течение «Демократическая платформа КПСС», распространившее влияние на 40% членского состава партии. Крушение плановой экономики приобрело необратимый характер,

открыв простор «теневикам» и новым «хозяйственным субъектам», действовавшим по сути в частнособственническом режиме. В этой среде (в принципе воровской) концентрируются большие материальные ресурсы. Люди и группировки этой среды тоже претендуют на политическую роль, пока в основном «из-за кулис».

Взорвалась «национальная бомба». На Кавказе началась война из-за Карабаха между Азербайджаном и Арменией. Прибалтийские республики *de facto* вышли из подчинения Москвы. Возник самый опасный для целостности «империи» российский фактор. И вместе с ним — «фактор Ельцина», который получил (помимо влиятельных политических сил) мощную поддержку в быстро сложившемся рабочем и забастовочном движении <...>.

Однако автор записей не склонен обвинять Горбачева в каких-то грубых ошибках. И вообще — не в ошибках дело. Советский строй давно, задолго до Горбачева, исчерпал свою историческую миссию в России, и был обречен на исчезновение. Перестройка объективно не могла уже его спасти, да и, как выяснилось, не имела такой цели. И никто уже не смог бы остановить поток событий, который подгоняла по-русски понимаемая «свобода», дарованная Горбачевым. И не случайно среди кадров, унаследованных от сталинистской эпохи, не нашлось людей, ответственных, компетентных и достаточно многочисленных, способных упорядочить движение к новому качеству общества <...>.

12 апреля 1990 г.

Горбачев активен и кажется бодрым, уверенным. Это производит впечатление, но главным образом на иностранцев. Обманчиво это. Результат его физического и нравственного здоровья, а не политической уверенности. Дела все хуже. Хотя я не верю в гражданскую войну, если «мы сами» ее не захотим. Пока ее хотят лишь генералы, которые брызжут ненавистью ко всему горбачевскому. И остервенелый аппарат. Будет бой на съезде КП РСФСР, а потом на XXУШ съезде КПСС. Для меня, Яковлева, Арбатова и т. п. — проблема: в какой партии быть... М. С., по-моему, готов оставаться в лигачевской партии, хотя он сумел его сильно «оттеснить», перевести в прямую оппозицию, уже не скрывает (на ПБ) свое отторжение.

<...>

8 июля 90 г. Идет съезд партии. Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме ВПШ'овского «марксизма-лени-

низма» они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае — отсутствие идеологии. Медведев блестяще и атакующе вчера дал отпор, пытался доказать, что теперь надо иначе смотреть на саму суть идеологии. Его слушали, так как говорил сильно, но в конце осудили. Один вышел к микрофону, поднял свой мандат (он красного цвета) и произнес: «Товарищ Медведев, Вы знаете, что означает такая карточка в руках футбольного судьи? Так вот. Я Вам показываю красную карточку, т. е. “Долой с поля!”», как грубо нарушившего правила игры». 29 Масса жаждет крови, требует заслушивать каждого члена ПБ, чтоб превратить Съезд в экзекуцию. Яковлев, правда, смазал их своей искренностью, хитрован, даже хлопали ему, в общем не дался на расправу. Но зато вчера при ответах на вопросы, показал себя совсем негодным, просто не профессиональным. Наговорил глупостей и пошлостей про Восточную Европу, про комдвижение, которое, якобы, даже лучше стало. Стал зачитывать цитаты из своих выступлений в Литве, а ему противопоставили другие цитаты из тех же выступлений — как он подыгрывал прибалтам. Предъявили стенограмму его позавчерашней беседы с лидерами «Демплатформы». Договорился до того, что в след за Третьяковым¹⁶ в «Московских новостях» представил себя идеологом и зачинателем перестройки, что именно он сыграл такую роль, а Горбачев лишь переводил его идею в лозунги. И вообще был косноязычен и жалок. После встречи с секретарями райкомов и горкомов Горбачев сказал мне: «Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно». Ругался матерно. Я ему: «Бросьте Вы их. Вы — президент, Вы же видите, что это за партия, и фактически Вы заложником ее остаетесь, мальчишкой для битья». «Знаешь, Толя, — ответил он мне, — думаешь не вижу? Вижу. Да и все твои (!) Арбатовы, Шмелевы¹⁷... письма пишут такие же. Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина будет против меня». Вчера на съезде Ивашко отвел М. С. в сторонку. Пошептались. Оказалось, тот предупредил, что в резолюции съезда хотят генсеку неуд поставить. Тут же М. С. забрал в свои руки председательство на съезде. Большинство только что проголосовало за то, чтобы каждого члена Политбюро заслушать и дать ему персональную оценку. М. С. ринулся «спасать ситуацию»: «Если Вы на это пойдете, партия расколется». Вот и получается, что вместо того чтобы самому расколоть такую партию два года назад, он сейчас, когда она превратилась во враждебную ему и перестройке силу, продолжает спасать ее от раскола. Иногда прорываются на съезде и разумные голоса, но из тут же забивают. Есть «крики души», например, выступление вчера тверской женщины, но они только

усиливают общий крик против Горбачева. Он изолирован. Прошли времена, когда в перерывах заседаний на него наваливались толпы с вопросами. Одинокó идет он за кулисы в сопровождении своего Володи (охранника)¹⁸. Жалко его. А это ужасно, когда жалко главу государства. Но его жалеют уже публично, в газетах и на телевидении. Он обвиняет своих оппонентов в том, что они не ощущают, что живем уже в другом обществе. Но он сам этого не ощущает, потому что его понимание «другого общества» не совпадает с тем, какое оно на самом деле. А оно оказалось в массе своей плохим, а не хорошим, на что он рассчитывал, когда давал ему свободу.

<...>

26 августа 1990 г.

Между прочим, в Крыму недавно сказал мне: «Работать не хочется. Ничего не хочется делать, и только порядочность заставляет». Прямо какая-то борисгодуновская судьба. И каждый день что-то подкидывает: то табачные бунты, то бои на армяно-азербайджанском фронте, то взрыв на спиртозаводе в Уфе и фенол в водоснабжении миллионного города, то ельцинские штучки с раздачей свободы всем краям и республикам России. Сказал французу, что скоро встретится с Ельциным, наверное, во вторник, и постарается унять его популистский стиль: мол, не на митинге ты давно уже при государственной ответственности... Народ (толпа) Горбачева просто ненавидит. Он это чувствует. Говорил мне, что «все эти» (т. е. Ельцин и компания) сознательно усугубляют дестабилизацию, пользуясь этой ненавистью и раздражением людей, чтобы взять власть. А свою задачу он видит в том, чтобы не позволить «взять», ибо страну тогда столкнут в хаос и диктатуру. Среда уже созрела для этого. Рыжков не хочет съезжать из Кремля. И думаю, пока он при должности, Совмин там останется. Сцена в аэропорту. Встречали М. С. из Крыма: члены Президентского совета (пока этот орган никакой государственной властью не располагает, скорее — это группа консультантов и соратников), кое-кто из Политбюро (Дзасохов). До побледнения Рыжков сцепился с авторами программы «Группа 13». (Группа, созданная Горбачевым, по согласованию с Ельциным, по подготовке рыночной программы (Шаталин, Петраков¹⁹, Явлинский²⁰ и др.) Горбачев разнимал. А когда после отъезда Горбачева Рыжков подошел к нам (помощникам) прощаться, то сказал Петракову, дрожа от ненависти: «Ну, ты у меня войдешь в историю!». Лукьянов, стоявший тут же, добавил: «Если будете так вести дело, то Верховный Совет в сентябре скинет правительство, а в ноябре будет распущен Съезд народных депутатов и сам

Верховный Совет. Будут назначены новые выборы и не позднее декабря скинут президента... и вас».

<...>

25 декабря 1990 г.

Сегодня Горбачев опять дважды подставился на Съезде народных депутатов. Обсуждалась поправка к Конституции о новых структурах власти. Дошли до контрольной палаты. Мы ему еще в Волынском говорили: непонятно, не пройдет. И вот на Съезде никто ничего не сказал против, ни одного замечания не сделали. А голосование дало ошеломляющее «против». Президент берет слово и путано, невнятно начинает убеждать, что это очень необходимый орган. Долго говорит, сопровождая это своими характерными жестами. Проголосовали еще больше против. Дошли до статьи о Совете Федерации. Суть дела — включать ли в Совет представителей автономных республик. Мнения разошлись. Опять выступает Горбачев и опять мутно убеждает, что не надо включать автономные республики в Совет Федерации. Голосование: из 1890 присутствовавших только 140 проголосовали «за» президента. Он сидел красный, жалкий. Что происходит? Совсем что ли он перестал ощущать, насколько низко пало его обаяние. Ведь люди думают наоборот, даже когда ему симпатизируют. Что же он так дает себя смазывать? Ведь вроде речь идет о президентской власти, а формируется она в обстановке стремительного падения авторитета самого президента!

<...>

1990 год. Послесловие.

Этот год стал поистине трагичным и для страны, и для Горбачева. Стало совершенно ясно, что великая и благородная идея — увести страну из сталинистского тоталитаризма и построить некое новое, действительно народное общество — оказалась невостребованной. Дарованные с этой целью гласность и свобода развязали разрушительную силу, протестная и хаотическая энергия которой копилась десятилетиями. И она вырвалась наружу, захватив к 1990 году практически все сферы жизни страны. Вместе с тем оказалось, что нация, истощенная потрясениями XX столетия, уже не обладает творческой энергией для созидания достойного самой себя нового общества. Имперский ресурс, который был источником и импульсом возвышения и развития России, превращения ее в великую державу был уже исчерпан. А другого не было, ибо на протяжении почти пяти веков российская нация — во всех своих характеристиках, положительных

и отрицательных, складывалась и набирала жизнеспособность именно как имперская. Поэтому, кстати, и была так податлива и терпима к тоталитарному правлению — будь то самодержавие или большевистская диктатура. Но, оставаясь европейской, она уже не могла сохранить себя в этом режиме к концу XX столетия — в условиях вступления христианской цивилизации в новую эру. На долю Горбачева выпало понять это. И он предложил правильный, единственно возможный выход — включить страну в наиболее перспективное русло современного мирового развития, отказаться от «особности», противопоставлявшей ее Западу, который оставался главным очагом этого развития. Для этого надо было преодолеть тоталитарное прошлое. Как — вот главная миссия «Перестройки». Горбачев попытался реформировать советский, по сути, тоталитарный строй. Но оказалось, что он не поддается реформированию. И в 1990 году это выявилось со всей очевидностью. Реформировать — значит действовать эволюционно, отказаться от революционно-насильственных методов, которые не только дискредитировали и загубили в конце концов высокие идеи Великой революции 1917 года, но и завели страну в тупик. Не мог Горбачев прибегнуть к таким методам также и по моральным соображениям, по своему духовному складу. Будь он другим по натуре, таким, как его предшественники и коллеги, он бы вообще и не отважился начать «Перестройку». Вот тут-то и образовалось трагическое противоречие между целями и средствами. Очистить общество (советское, российское, русское общество!) от сталинского наследия и навязать ему новые законы жизни можно было только через революцию, сравнимую по размаху и мощи с Октябрьской. Однако чтобы ее совершить, у нации (и у Горбачева как лидера, который для этого должен был располагать соответствующей социально-политической массовой «армией») не было ни сил, ни возможностей. А путь медленного изживания тоталитаризма с использованием к тому же сложившихся при нем кадров, органов, «правил игры», средств и методов привел к развалу государства и в конце концов к исчезновению страны. 1990 год — как заметил читатель — заполнен лихорадочными попытками Горбачева мобилизовать средства — общественные и материальные — для продолжения и закрепления преобразований. Углубляя главную свою ошибку, он не жалел усилий, чтобы заставить партию служить делу перестройки. И это — несмотря на все срывы, неудачи и разочарования, которые ему преподносили каждый Пленум ЦК, почти каждое заседание Политбюро, каждая встреча с партийными «генералами». Партия в этот год стремительно превращалась в открытого врага преобразований по-горбачевски. И особенно

это бросалось в глаза в 61 верхних ее эшелонах — в Политбюро, в Центральном Комитете, в аппаратах всех уровней, в обкомах. Перетягивание Горбачевым авторитета высшей власти от Политбюро и ЦК КПСС в светские инстанции начато было с роковым опозданием, как и учреждение президентской системы. Иллюзии относительно «КПСС — авангард перестройки», а потом страх перед отторжением партии, оттеснением ее на обочину политического процесса помешали Горбачеву своевременно создать новый, эффективный центр власти. И он оказался бессилён перед националистическим взрывом и распадом экономической базы государства. Хотя — я убежден — и то и другое было неотвратимо объективно при отказе от тоталитарных методов сохранения империи и централизованного государства. В новых избранных в основном на альтернативной основе парламентских органах «агрессивно — послушное большинство» (по определению Ю. Афанасьева) после Первого Съезда народных депутатов быстро трансформировалось в «агрессивно — болтливое». Властного авторитета ни Съезд, ни Верховный Совет не обрели, да и не имели рычагов влияния на страну. Горбачевская идея возродить Советы, которые приняли бы на себя от райкомов и обкомов управленческие функции КПСС, заглохла в самом начале. Его попытки наладить взаимодействие исполнительной власти (его самого и Правительства) с законодательной, парламентской ничего не дали. А разгул критиканства дорвавшихся до свободной трибуны «амбициозных представителей народа» дискредитировал государственную власть вообще, провоцируя все большую дестабилизацию во всем обществе. Горбачев метался в поисках альтернатив, компромиссов, «оптимального» сочетания прежних и новых методов руководства и управления. Были здесь промахи, ошибки, просчеты, запоздания, faux pas²¹, просто нелепости. Но не в них причина начавшегося в этом году разложения общества и государства. Оно было неизбежно по самой природе совершенно уникального в мировой истории перехода общества, закомплексованного и развращенного долгой диктатурой, к свободе, которую демократически и добровольно не организованный народ понял по-русски — как «все позволено». Для него искони свобода — это воля, сродни анархии. Началось хаотическое движение без всяких действенных правил. *Процесс распада Советской державы начался, он стал неудержимым и необратимым именно в этом, 1990 году.* С исторической точки зрения, бессмысленно заниматься поиском персонально виновных, чем, увы! до сих пор занимаются наши (и, правда, меньше заграничные) демагоги и дилетанты, обрушивая главную (а то и единственную) вину на Горбачева. Горбачев не слу-

чайню в том году начал думать (и говорить об этом в своем кругу) об уходе. Он чувствовал, что отведенная ему Богом и историей миссия выполнена. А преподнести в одночасье 240-миллионному народу, состоящему из более чем сотни национальностей, земной рай взамен советских порядков не в состоянии никто. Но от него ждали и хотели только этого. Не меньше. И только в этом случае признали бы Горбачева великим политиком и «спасителем Отечества». Пустые полки стали проклятьем Горбачева и одновременно символом исторически ограниченных возможностей «Перестройки». Со свободой советский народ не справился и... сошел с исторической сцены. Правители России, узурпировавшие власть, имели дело уже не с народом, не с великой нацией, а с разношерстным населением. И, видимо, такая именно судьба была предопределена моей стране к началу третьего тысячелетия своего пребывания в этом мире. Вместе с тем именно в 1990 году мир стал свидетелем выдающихся результатов внешней политики Горбачева. Именно тогда стал очевиден перелом в истории XX столетия — от губительной конфронтации к мирному периоду в цивилизованной части мира.

<...>

14 января 1991 г.

...Сегодня Верховный Совет начался, конечно, с Литвы. Пуго, Язов — глупые, лживые, хамские речи. А после перерыва — сам Горбачев: жалкая, косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Тошно — фарисейское виляние. Нет ответа на главный вопрос. Речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно и жалко было все это слушать. Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим Международным отделом при президенте. «Хватит с меня 1968 и 1979 года. Непереносимо». А что я? Кстати, в ЦК'овском буфете появились талоны. Это после прошлогодней отмены «кормушки». Как это понимать? Как отступное номенклатуре?

15 января 1991 года. На встречу Горбачева с фондом Велихова²² за выживание человечества я не пошел. Противно было встречаться с ним. Стыдно смотреть в глаза людям. Я рассчитывал, что он откажется в такой обстановке. Материалы и речь я ему подготовил еще до событий. Но я опять его «недооценил». Он пошел. Позвал с собой Яковлева, Болдина и только что утвержденного

на заседании Верховного Совета Бессмертных²³. И как ни в чем не бывало почти два часа рассыпался перед американцами и другими в приверженности к новому мышлению. А они, как ожидалось, не задали никаких вопросов... Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали уговаривать Горбачева съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д. Горбачев это вроде воспринял. Сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко бегал, ловил Горбачева чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что ничего не было и никакого разговора с этими тремя не было. Из этого Игнатенко сделал вывод, что М. С. не «дезинформирован», как думают многие. Он осуществляет свой план запугивания прибалтов. Днем в Вильнюсе военные заняли еще техническую радиостанцию и не собираются освобождать ни телевизионной башни, ни Дома печати. А в Риге захватили военную школу и разогнали курсантов.

<...>

17 января 1991 г.

...После того, как Горбачев часам к 9 утра всех распустил, вдруг поманил меня в кабинет. Разговаривал о Литве. <...> Горбачев заговорил, вроде, сожалея, что все так случилось. Мол, такое противостояние, такой раскол, такая вражда в обществе, стенка на стенку пошли. Я ему говорю: «Ну и пусть дрались бы между собой даже до смерти. Но зачем танки-то? Ведь это гибель для вашего дела. Неужели Литва стоит таких свеч?!» «Ты не понимаешь, — произнес Горбачев. — Армия. Не мог я вот так прямо отмежеваться и осудить, после того как они там в Литве столько поиздевались над военными, над их семьями в гарнизонах».

<...>

10 марта 1991 г.

...Вечером я сел писать письмо Горбачева к Колю. По телефону он не стал ему говорить о своей просьбе, а это «SOS», ибо наступает голод в некоторых областях, забастовал Кузбасс, тоже «Долой президента!» В магазинах больших городов полки пустуют абсолютно, в буквальном смысле. М. С. просит Колю²⁴ срочно помочь — заставить банки открыть кредит, а также дать деньги вперед под заклад военного имущества, оставляемого нашими уходящими из Германии войсками. Письмо отправлено. Грядет крах. Референдум 17 марта может стать детонатором.

<...>

17 марта 1991 года. Референдум: «Быть или не быть Отечеству?» Хотя на самом деле такая постановка вопроса — очередная демагогия: ничего не будет, чем бы этот референдум ни кончился. О Президенте России (нужен ли) — второй вопрос для референдума. Если бы не Ельцин, почему бы и нет?

<...>

29 марта. Пятница. Неделю надо запомнить... Съезд РСФСР... и запрет Горбачевым манифестаций в Москве в поддержку Ельцина (после его Ленинградской эскапады!) Моссовет осудил запрет. Вся пресса, включая «Известия» осудили. Осудил и начавшийся вчера утром съезд РСФСР... Устроили просто шабаш. Послали Хасбулатова к М. С. Не отступил: завтра, сказал Хасбулатову, уберу войска, сегодня нет и в центр манифестацию не пущу! «Возмущение» съезда, а также ВС СССР (Собчак от Межрегиональной группы предложил резолюцию...) Съезд прервал работу... А улицы запружены войсками, милицией, перегорожены грузовиками... Мою машину не пустили через Москворецкий мост... Все повернулось во мне: как это так — машину помощника президента!.. Но смолчал, предъявил документы, которые долго изучали. И пошел пешком на работу... То же — когда с работы до метро!! Успокоившись, «осознал» и одобрил... Правильно или неправильно поступил Горбачев, но раз уж запретил — надо идти до конца. Иначе окончательно все потеряет. И в общем... сработало. Демонстрации были локализованы и... «жертв нет», не было и стычек, съезд сегодня заслушал (к моему большому удивлению) весьма конструктивный и «примирительный» доклад Ельцина «О положении в стране — России».

<...>

27 апреля. Суббота.

Поистине «Страстная неделя» — по возвращении из Японии. Совместное заявление с Ельциным — прорыв. Хотя вчера мне М. С. говорил, что Б. Н. начинает «сдавать». И масла льет Запад, который слишком расписывает победу М. С. в этом «компромиссе». Беда, если Ельцин сорвет «совместное обязательство», а свалить вину на М. С. — ничего не стоит! Потом — Пленум. Накануне (24-го) было Политбюро. Когда М. С. показали проект решения Пленума, он взорвался: там речь шла об «антинародной политике» Генсека. Шенину сказал: «Твоя работа». Но — между прочим — и все эти «молодые»: Гиренко, Лучинский, Семенова²⁵, Купцов²⁶, Строев²⁷, Фалин, которых он выдвинул в секретари ЦК — в большинстве из провинции, пригрел, обласкал, дал путевку в большую политику... Они что? Значит, тоже в душе согласились, что во всем

виноват М. С.?.. И будто его смещением или угрозой смещения, в pendant хору обкомовских резолюций, можно решить все вопросы? Во всяком случае — рыльце у них в пушку — недаром же они на Пленуме в рот воды набрали, когда другие покатили на М. С. волны оскорблений и поношений, требовали отставки, предъявляли ультиматумы насчет чрезвычайного положения во всей стране — иначе: уж тебе! Позорище было смотреть на этих зайчиков... И вообще на весь этот Пленум... Гнали Генсека, а когда он встал и сказал: «Ладно, ухожу!», все в портки наложили и проголосовали, чтоб «снять вопрос с обсуждения». Тоже формулировочка! До следующего Пленума что ли?! Честь ЦК спасали такие, как Вольский, Бакатин, не говоря о Назарбаеве... Хотя вообще-то я был за то, чтоб М. С. послал бы их к еб... матери... И от них на другой день ничего не осталось бы. Они, действительно, никому не нужны, кроме номенклатуры... И без М. С. сразу бы оказались «на обочине» — в отвале. Впрочем, Вольский + Бакатин так прямо и сказали. А один рабочий в перерыве подходил к М. С., говорит: «идиоты-самоубийцы». В самом деле пигмеи. Впрочем, я убежден был, что М. С.'у надо было воспользоваться шансом — и уйти с генсекства, до его заключительного слова. Тогда я думал: это был бы жест деидеологизации высшей государственной власти, сделан был бы окончательный сброс бремени партийности, которую все ненавидят. И можно было бы получить какой-то подъем, во-первых, «обывательских» симпатий к Горбачеву, жалости (наподобие эффекта ушедшего, наконец, Рыжкова)... Во-вторых, «определилась бы значительная часть коммунистов, которые не знают, где они находятся, — у Полозкова или где-то еще... И образовалась бы «партия Горбачева»... Произошел бы раскол в КПСС. А это очень нужно... чтоб не отдельные «личности» демонстративно выкидывали партбилет (часто по подоночным соображениям), а миллионы партийцев и «из принципа...». Остальные все сразу же оказались бы «полозковцами»!! Но М. С. опять (когда он в раже — может!) проявил свой мощный талант политика-трибуна... На какой-то период, возможно, в ЦК и в партии это заставит задуматься. А главное — он обозначил четко свое кредо — перед обществом, перед всякими Старовойтовыми²⁸ и Станкевичами, т. е. «демократами», которые еще не потеряли здравый смысл, не истощили свою совесть в политических играх и драках! Перед ними и перед Западом встал (как и в Японии) вновь прежний Горбачев, убежденный и непоколебимый автор перестройки, умудренный ее «разносным» опытом! Может быть, этот вариант лучше сработает... Вчера вечером он мне позвонил: «Что, Толя, дальше-то делать?» Я опешил. Не сразу нашелся. Говорю: То же самое, что до этого!

Потом поговорили о «пигмеях» и «ничтожествах» в ЦК, вокруг... Я ему посоветовал недельку-другую отдохнуть — уйти в тень, пусть «посуется» без него, и народ пусть поразмышляет — где М. С., который сейчас чуть ли не каждый день «мелькает»... И особенно я ему советовал не ходить 1 Мая на Красную площадь... Это будет море — десятки, если не 100 тысяч людей с проклятиями и оскорблениями президента. Это смажет тот выигрыш в глазах массы, который получился в результате соглашения «девятки республик»²⁹ (Ново-Огаревский процесс) и «итогов» Пленума... Да и просто надо отдохнуть, воспользовавшись такой концентрацией «праздничных» дней от 1 до 12 мая! Отмолчался... Но у него и масса «мероприятий» набрано.

<...>

15 июня 1991 г. Суббота. Что за неделю? Ельцин — президент России. И, в общем, он уловил, куда несет страну «неведомая сила», разбуженная Горбачевым. И обратил себе на пользу. И действует — в струе! У тех, кто за него голосовал (я — нет), теплится, видимо, надежда, что «с Ельциным» начнется подъем. А Горбачев, может, и постарается «сопоспешествовать», уняв свою страсть делать все своими руками и считать, что иначе все завалится (хотя в таком убеждении есть пока и резон). «Демократическая пресса» и весь Запад — в эйфории. Теперь не Союз, а Россия у всех на уме, — может из нее что-то получится. Если бы так, я бы тоже стал аплодировать. А Союз — Бог с ним, с Союзом, была бы Россия. В душе-то и М. С. так думает, но он не доверился «душе», а доверился «государственной ответственности» и... проиграл.

<...>

11 июля 1991 года. Четверг. Вчера в 10.00, будучи на работе, смотрел по ТВ коронацию Ельцина. Это — не просто новая власть, даже не только новая государственная структура. Это — смена системы... М. С. решил выступить после гимна («Славься наш русский царь», колокольного звона и заключительной речи Ельцина). Выступление (написано Шахом³⁰ и передиктовано им самим) неудачное. Не отвечало торжественности момента, как бы там ни было, отражавшего мощный (надолго ли!) поток русской тенденции, «возрождения русской идеи»... Ведь без России — ничего не будет. Союза не будет... И реально опираться Президент может только на нее... не на Туркмению же с Назарбаевым! Ведь он, президент Горбачев, восседает в Москве, которая теперь опять — «столица России»... Выступление было политическим, скорее, для Съезда народных депутатов, и то — рутинного! Прوماх! Не смог

преодолеть личностного (своего внутреннего удивления, что такой человек, как Ельцин так вознесся) и аппаратно-партийного — неприемлемости отрицания «социалистического выбора»... даже в прошлом... На фоне этого весьма символического перформанса (!) — Горбачев озабочен проектом Программы партии, который он поставит на Пленум ЦК 25 июля. То, что он себя идентифицирует с гражданской идеей союзного масштаба, думаю, — ошибка историческая. Опять же объяснима происхождением его политического мышления. Наверное, он все еще верит, что партия может существовать как обобщающая опора Союза. Даже как опора «его дела». Он не хочет видеть (хотя видит!), что все эти ПБ, Секретариат — никому не нужны, они уже не властны даже над коммунистами. И их суета и угрозы, в отличие от совсем недавно прошлого, уже никого не пугают. Попросил меня «поработать» над проектом Программы. Вчера я посидел над ним... Еще больше избавил от всего коммунистического и от «социалистического выбора», даже почти совсем. Вечером он мне звонит:

— Ну что?

Я: Это — оптимальный вариант, чтобы сохранить разумное ядро, перестроечное ядро партийцев... Остальное отбрасывает КПСС в лагерь врагов общества, «врагов народа» — нового народа, возникшего за последние шесть лет.

М. С. «жался»... Георгий (Шахназаров) мне говорил, что ему «очень нравится» проект... Но все равно: сам тот факт, что президент на фоне инаугурации Ельцина, «русского потока», Союзного договора, Лондонской «семерки» — занимается своей ностальгической партийной ерундой, только еще больше вынесет Горбачева на обочину стрелы.

<...>

25 июля 1991 года. Утро. Сегодня Пленум... Выхожу из подъезда своего дома. Навстречу Шапошников, мой бывший коллега по международному отделу ЦК, тоже зам. Пономарева. Несет в руках коньяк и консервы. Спрашивает: «Что будет с партией?» «Развалится, наверное», — отвечаю я.

«Ну, вы даете!!».

После телефонного разговора с Колем (о Кенигсберге) М. С. задержал меня в кабинете. Подключил селектор на Прокофьева (секретаря МГК). Разговор идет об указе Ельцина (департизация предприятий и учреждений). Прокофьев ему: «Значит, мы переходим на территориальный принцип партработы».

М. С.: «Я уже получил 100 телеграмм. Секретари обкомов требуют издать указ, отменяющий указ Ельцина».

Я вмешался: «Не надо этого делать... Указ не сработает. А Ново-Огаревская тенденция будет сорвана. И ваш престиж пойдет опять на понижение».

Но он, вижу, уже и без меня решил — не вмешиваться. Рассуждал с Прокофьевым — почему Ельцин сделал это именно сейчас? И потом, он вроде бы поступил из благородных побуждений: сейчас надо работать, нужно спокойствие, а коммунисты мутят людей на предприятиях, в коллективах!.. И как я, президент, буду выглядеть, мешая установить порядок?! Прокофьев не настаивал... Но Пленум! «Веселая работенка будет», — сказал он в этот день, принимая барона Креспо (председатель Европарламента). Рассказал Прокофьеву, как Ельцин ёрзал (?) в Ново-Огарево, все расспрашивал у присутствовавших, как реагируют на его указ. Отмалчивались. Задал Горбачеву вопрос: «Что будете делать на Пленуме?». Горбачев в ответ: «Будем обсуждать программу партии». «Какая программа, кому нужна?» — реагировал раздраженно Б. Н. Горбачев с нажимом: «Будем обсуждать программу!». Видно, он решил «валить» партию. Даже барону сказал: кто «не за ней, (т. е. не за новую программу), пусть уходит вправо ли, влево!» Прокофьев возражал против «добровольности партвзнов». М. С. понукал его решительно смещать Полоскова, иначе, мол, возникнет «другая партия» — внутри партии. Она и так уже возникла, произнес я «в сторону».

<...>

28 июля 1991 г. Воскресенье. Утро.

<...>

М. С. доволен Пленумом. Шах подготовил ему блестящий доклад... Это был порог, который он, наконец, перешагнул — в деидеологизированный период... «Независимая газета» ехидно дала заголовок: «Горбачев победил марксизм-ленинизм». И ортодоксы и пошляки на Пленуме не осмелились его свергать... Особенно «перед лицом» указа Ельцина о департизации. Важно ворчали... — в негодовании и ненависти... В перестроечном смысле Пленум — еще одно запоздалое «преодоление», осуществленное лично Горбачевым: но не «обновление» партии нужно, а создание новой партии — «во что» уже и пошли Руцкой и проч.

<...>

1 августа 1991 года. Четверг. Буш³¹ сегодня уезжает в Киев и потом совсем. Вчера — в Ново-Огарево. Главное мое наблюдение: исторический смысл визита не в Договоре по СНВ — тут дело все равно пойдет, потому что ядерное оружие перестало быть

политикой, это уже экономика, психология, социальная сфера. Глобальное наблюдение вот в чем: США и СССР фактически начинают проводить в мире одну и ту же политику. (Ирак, Ближний Восток, Европа — Югославия...) Но это произошло тогда, когда США убедились, что мы им не опасны. Общение — ближе, чем в свое время с «друзьями» из социалистических стран. Нет фарисейства, лицемерия, нет патернализма, похлопывания по плечу и послушания.

<...> Ехать в Крым с М. С. жутко неохота: сладкая жаркая каторга -да еще теперь, видимо, ужмут в комфорте: «Южный» стоит на одного — 4000 рублей!

<...>³²

